

Новая газ. - 2004 - 22 - 25 июля - с. 20 - 21.

— Ou est l'Est? Где же Запад? — слоган на фрон-
тоне Авиньонского театра звучит каламбуром. Но
звучит и пушкинским вскриком в «Бесах»: «Сбились
мы, что делать нам?».

Очарованная факирской дудочкой мультикультур-
ности и своим артистичным великодушием (вплоть до
прижизненного памятника новым иммигрантам рабо-
ты великого Сезара), Европа точно очнулась в 2004
году, чтоб заметить, как меняются ее города, размы-
ваются драгоценные идентичности: британская, не-
мецкая, фламандская, etc.

Авиньон-2004 — зеркало новых тревог и нового са-
моосознания Европы. В саду Лицея святого Иосифа
идут публичные диспуты Театра идей. В принципе,
тема одна: «Старая Европа — и наше будущее».

Тот же вопрос — в пьесах новых драматургов Инди
Уолш, Мариуса фон Майенбурга, Гинтараса Гражаус-
каса. Читки французских переводов подготовлены
студентами театральных школ. Из русских текстов
выбран «Терроризм» Пресняковых. Студенты из Канн,
читавшие пьесу, говорят, что для них это не экзотика.
Все становится актуальным...

Театр идей, программа «новой драмы», надпись на
сторожевых башнях Авиньона «Бастион Европы» и сам
вопрос «Где же Запад?!» — новации художественного
директора фестиваля-2004, лидера германского театра
«Schaubuehne» Томаса Остермайера.

— Почему над сценой в
«Войцке» царят рекламные
шпиги?

— Спектакль — об окра-
ине общества, пронизанного
искусением потребитель-
ства. Людей предместья ис-
кусшают так же настойчиво,
как и всех. Но для них войти
в сияющий мир мегаполи-
са вовсе невозможно. Места
их «компактного прожива-
ния» становятся островами
отверженных.

Предместье «Войцке»,
как и реальный пригород лю-
бого большого города Европы
сегодня, — смесь идентично-
стей, языков, рас. Но откуда
бы ни были эти люди — они
составили угрюмое братство
лишних, граждан социального
тупика. Для меня это очень
большая проблема...

— Вдоль грязных бетон-
ных кварталов в «Войцке» те-
чет замусоренная речка. Пер-
сонажи загорают на берегу, ко-
пируя жесты «курортников»
Марбельи и Бали на реклам-
ных плакатах. Зачем вам эта
сцена — такая смешная и та-
кая жестокая?

— Она реальна. Согласно
христианским представлени-
ям любой рай — часть обще-
го Царствия Небесного, не
так ли? Вот парадиз этих лю-
дей. Он — часть нашего.
Единственный угол рая, куда
можно войти бесплатно...

— После ваших премьер все-
гда пишут о театральной прово-
кации. Кого вы провоцируете
этим спектаклем и выбором фе-
стивальной площадки? «Войцке»
с его драками, лаем ротвейлеров,
безнадёжно озлобленными людь-
ми — в стенах Папского дворца.
Какой религиозный смысл вы
вложили в это?!

— Я никогда никого не
стремился шокировать: в чин
«театрального провокатора»
меня произвела пресса. О ре-
лигиозном смысле «Войцке»
я не думал. О жестокости и
нищете мира говорит сама
пьеса. Но думаю, что в стенах
Папского дворца именно
этот спектакль был уместней,
чем «Нора» Ибсена с гламу-
ром берлинского пентхауза.

— Вы говорили в интер-
вью, что в Берлине 1990-х
возник класс «новых бога-
тых». Что в вашей «Норе» эти
молодые яппи должны узнать
себя и задуматься над старым
вопросом: можно ли купить
счастье? Вы создаете теперь
«новый буржуазный театр»?

— Нет. В 1999 году, возгла-
вив «Schaubuehne», я написал
манифест: «Почему мы зани-
маемся театром и о чем он
должен говорить?». Это была
стратегическая ошибка и пол-
ный ужас: театральный мир
почувствовал себя оскорблен-
ным, а журналисты были за-

интригованы... Больше я ма-
нифестов не публикую. Но
одну мысль — повторяю.

В 1990-х в театре
«Вагаске» мы ставили новую
драму: Сару Кейн, Марка
Равенхилла, Мариуса фон
Майенбурга, Билян Сербля-
нович... Я был убежден: у
людей должно оставаться
чувство, что театр говорит
об их жизни, об их тайнах,
об их страхах. И сейчас я
убежден в том же.

Речь отнюдь не идет о со-
здании «развлекательного те-
атра» для новых правящих
классов. Мы хотим дать пуб-
лике возможность узнать
себя, вспомнить о своих не-
высказанных вопросах. Сде-

ет с японским мечом в руках,
напоминая о бое кэндо, звезд-
ных войнах, компьютерных
играх «на истребление»...
Нора XXI века не уходит от
мужа — а убивает его.

Я готов признать (без ра-
дости): амплуа «сильной лич-
ности» теперь стало жен-
ским. Это они ищут себя на
сцене, сотрясая сознание
зрителя! «Герой-мужчина» в
театре Европы как-то устал.
Сегодняшний «кризис муж-
ской идентичности», без со-
мнения, обусловлен и этим.

— Как связан с «Норой» ваш
спектакль «Концерт по заявкам»?

— Я попросил драматурга
Франца Ксавье Кротца напи-
сать пьесу без текста. Играет та

Томас Остермайер:

«Не люблю апостолов катастрофы...»

Эксклюзивное интервью
коменданта
«Бастиона Европы»

Г. Ибсен «Нора» (театр «Schaubuehne», Берлин). Нора — Анна Тисмер

ать так, чтоб привычные де-
тали повседневности крича-
ли со сцены о разладе жизни.
Я считаю (это старомод-
ная точка зрения), что театр
призван воспитывать свою
публику. Кстати, половина
наших зрителей — студенты.

Пригород Войцке и пен-
тхауз Норы — две крайние
точки современного обще-
ства. В «Кукольном доме»
тоже нет мира. Есть будущее
в глаза благополучие и знаки
близкой беды.

Моя любимая сцена — та-
нец Норы. У Ибсена это том-
ная тарантелла. Анна Тисмер
в «Schaubuehne» неистовству-

же Анна Тисмер. Контраст
между блеском ее Норы и зыб-
ким одичанием героини «Кон-
церта» просто разительный.
Но для меня эта женщина —
Нора двадцать лет спустя.
Нора, вышедшая из тюрьмы.

Сюжет — жестокая реаль-
ность Европы наших дней. Две
трети берлинцев, живущих на
поскоблен, — одинокие женщи-
ны... Да и роль успешных же-
нщин в социуме растет. Но все-
гда ли эта роль им по силам?

Героиня наедине с радио
FM. Она раздевается. Ужина-
ет. Принимает снотворное.
Не может уснуть. К утру она
покончит с собой...

Мы будем играть «Концерт»
в один вечер с «Норой». После
антракта. Как эпилог ко всему
эпосу женской эмансипации.

— Вы очень много сделали
в 1990-х для открытия новой
драмы. Сейчас вы вкладываете
резко современные смыслы
в «Войцке», в «Нору», в
«стеклянно-электронный» ва-
риант пьесы Ибсена «Строи-
тель Солнечес»? Вы разочара-
вались в новой драме?

— Нет. Я ставлю сейчас
две пьесы Сары Кейн: дебют-
ную и предсмертную. Осталь-
ные я ставил раньше. В марте
2005 года в «Schaubuehne» —
фестиваль драматургии Кейн.

их путаный путь в дюны на угнанной машине, в Диско-
палас, блещущий люрексом «красивой жизни», в
бары ИРА (где караоке бесплатно — если ты поешь
боевые патриотические песни), драйв и ясный блеск
глаз молодых берлинских актеров — все грело зрите-
ля. Но и подчеркивало, какой крутой путь вверх этот
театр проделал всего за шесть лет — к мощному фо-
тореализму «Войцке» и «Норы».

О «Войцке» «Новая газета» уже писала. (Ни один
спектакль не вызвал в Авиньоне таких споров, как
этот жестокий, честный, страшный и милосердный
эпос городской окраины.) О «Норе» (в 2003 году
спектакль получил в Европе шесть премий) говорит
Остермайер.

В Авиньоне нет сейчас фигуры приметней, чем этот
35-летний долговязый берлинец с круглым, абсолютно
немецким и почти мальчишеским лицом. С публикой
он говорит учтиво и твердо, на отличном французском.
Публика (от парижских дам до лицеистов) ходит за ним
с одной дискуссии на другую. Стульев не хватает: «фе-
стиваль» сидят на каменных бордюрах в Папском
саду. Зритель лет пятидесяти слушает из кроны веко-
вого платана, щелкая фотоаппаратом и болтая баш-
маками в двух метрах от земли...

Споры вокруг Остермайера — тоже хор фестиваля
в старинной папской столице. Все на те же слова:
«Где он, Запад? В чем будущее?».

В январе 2005 года — премьера
новой пьесы фон Майенбурга
«Эльдорадо».

Тексты этой волны изме-
нились со времен «Психоза
4.48» и «Паразитов». Новый
этап — уже не отроческий крик
бунта против всех, а размышле-
ния взрослых, социально зре-
лых людей о себе и мире.

— Почему вы предложили
провести Авиньон-2004 под зна-
ком дебатов о будущем Европы?

— Я считаю это делом
первой срочности — думать и
говорить о нашем переверну-
том мире, разорванном проти-
воречиями. В «Schaubuehne»
мы часто собираем интеллек-
туалов, чтоб говорить о самых
воспаленных вопросах. Те ре-
жиссеры, драматурги, фило-
софы, которых я предложил
пригласить на фестиваль, по-
казывают и мой выбор.

...Я не звал апостолов ка-
тастрофы, циников, глашата-
ев смерти «прежних челове-
ческих чувств», человеческой
личности и самой истории.

Везя в Авиньон «Войцке»,
я хотел ввести самых отвер-
женных в Европе в стены
Папского дворца. Точно так же
я надеюсь дать слово здесь тем,
кто несет с собою надежду.

Я говорила с Томасом Ос-
термайером после пресс-кон-
ференции во дворе монастыря
Сен-Луи — центра Авиньон-
ского фестиваля.

— На всех встречах с
вами спорили о детях из «Вой-
цке». Берлинские школьники,
играющие в спектакле, носят
редкие имена: Май-Нам Ша-
рапенко и Май-Ли Шарапен-
ко. Это дети актеров?

— Нет. Настоящие жите-
ли предместья, из вьетнамс-
кой диаспоры.

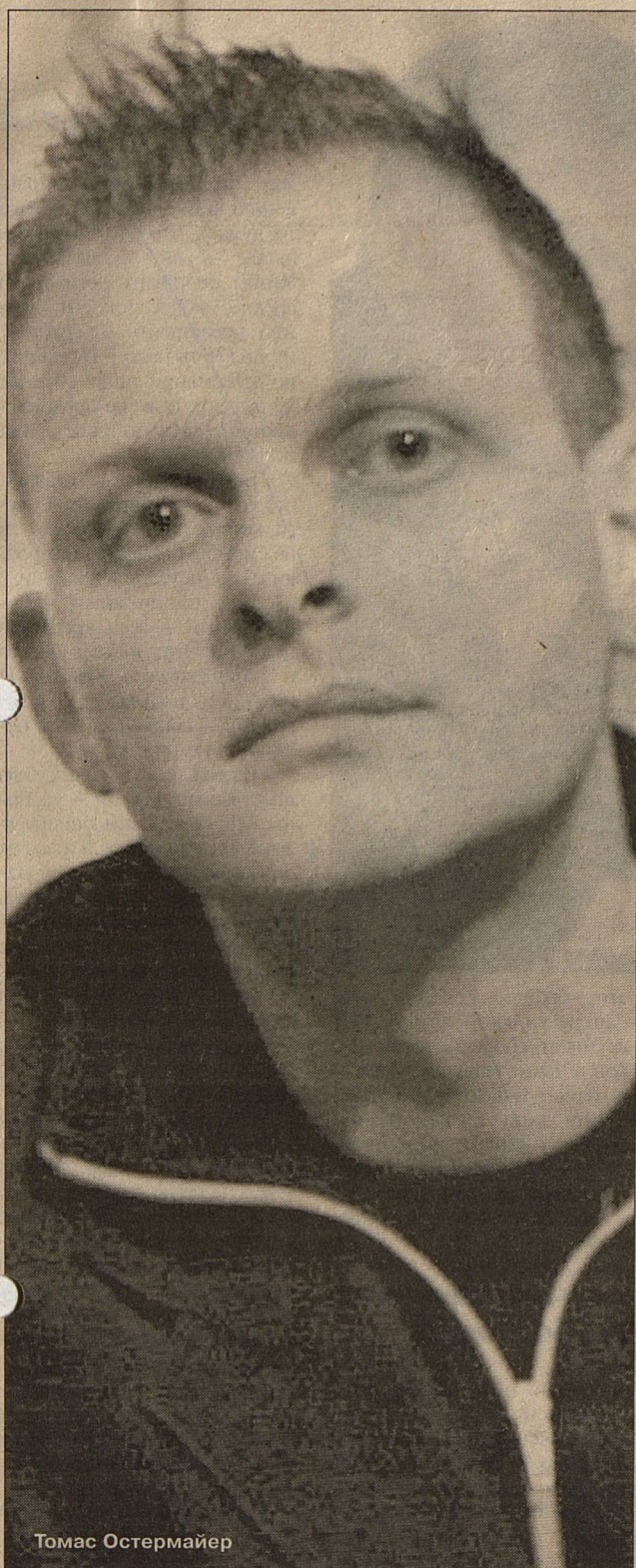
— Какое будущее у детей-
персонажей? У лихой 15-летней
размазанной Катрин, которая
в спектакле тайно целует лягу-
шек из грязной речки, а лягушки
все не становятся принцами?

— Никакого будущего, по-
лагаю. Здесь я полностью сле-
довал тексту классической не-
мецкой пьесы 1837 года. «Дети
предместья» есть у Бюхнера.
Это у него один ребенок со
страшной простотой говорит
другому о трупе Марии, убитой
Войцкем: «Бежим скорее, а то
и смотреть будет нечего...».

Эта территория — место игр
и взросления нового поколе-
ния. Их среда обитания. Их дет-
ский сад. Для меня дети в спек-
такле полнее всего подтверж-
дают первую реплику Войцке:
«Это место проклято».

— А будущее Европы в
колыбели предместий?

— Тоже никакого. Мы —
только маленький европейский
аппендикс Азии. У нас уже нет
жизненных сил. Первый знак
этого: в Германии почти не
рождаются дети. Сила движе-

Томас Остермайер

Bellamy/ID-photo

ния теперь у других стран: у России, у Китая... И так было всегда. Цивилизации уходили: были шумеры, Эллада, Рим. Потом? Римлянки, например, перестали рождать.

— А в Пантеон мультикультурно ввели всех завоеванных богов. Особо ценились у поздних римлян самые темные, земляные, хищные новые боги — вроде Кибелы.

— Да... И пришли варвары — предки будущих европейцев. Были Темные века. Был новый расцвет новой цивилизации. Теперь это общество устало. Я думаю: на наших глазах роль Европы будет медленно, постепенно сходить на нет.

...Шумели фонтаны и платаны монастыря Сен-Луи. Коллеги (итальянец, бельгиец, испанец) с диктофонами наперевес переминались «в очереди». Красавица Анна Тисмер (в джинсах, с парусиновой сумкой через плечо, похожая не на «Актрису года Германии», а на студентку-фестивалье) читала пьесу за столиком, качала в пальцах чашечку кофе, ждала режиссера.

И круглый серо-белый французский двор XVII века был изыщен, как взмах шляпы Атоса.

Я посмотрела на Остермайера: вот уж у кого с национальной идентичностью, с маскулинной идентичностью, с гендерным «чувством лидера» явно не было проблем. Передо мной сидел — не знаю, как это выразить! — стопроцентный немец. Сам по себе — культурное достояние человечества.

Одержимый трудяга-немец, наследник всех йенских оптиков, дрезденских механиков, берлинских кабаре 1920-х...

И того грубого барабана, которым у Брехта блаженная Катрин будит осажденный город.

— И лично вы готовы легко примириться с тем, что «сумерки Европы» наступят — по разным причинам — у нас на глазах?

— Ну... нет. В своей повседневной работе я борюсь с этим. Но я не могу сказать, что вижу много комбаттантов... единомышленников. Я действительно ощущаю: мир, в котором мы живем, — устал.

— Дети предместий вашего «Войска» — из пьесы Бюхнера 1830-х годов. Такие же страшные лондонские дети, не слыхавшие о Христе, есть в романах Диккенса. У Гюго. У Золя. Среди немцев, французов, англичан XX века — много их потомков. И в цивилизующем усилии Европы свою роль сыграли Гюго и Диккенс, показав крайнюю черту и воззвав к действию... Может быть, это повторится?

— Бюхнер жил в эпоху Гете. А мы живем — после Гете и без Гете. После Шиллера и без Шиллера. После двух мировых войн. После Освенцима...

● Елена Дьякова
Авиньон — Москва

P.S. В ноябре, в рамках фестиваля «N.E.T.», театр Томаса Остермайера «Schaubühne» придет в Москву на гастроли.